

Из книги Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 31-34.

«Через сорок минут – пресс-конференция. Рейган уехал на военную базу, чтобы лететь домой.

Первое желание, которое меня обуревало, – разнести американскую позицию в пух и прах, то есть реализовать задуманный еще в Москве план: не пойдут на соглашение, на компромисс во имя мира – разоблачить администрацию США, ее позицию, несущую угрозу всем.

Пока шел от дома, где велись переговоры, – метров четыреста – лихорадочно все обдумывал. И не отступала мысль: ведь мы же договорились и по стратегическим, и по средним ракетам, это уже новая ситуация, неужто принести все в жертву ради сиюминутного пропагандистского выигрыша? Внутреннее чувство подсказывало – не следует горячиться, надо все осмыслить. Я еще не определился до конца, как оказался в огромном зале пресс-центра, где делегацию ждали около тысячи журналистов. При моем появлении журналисты встали с мест и молча стоят. Этот беспощадный, нередко циничный, даже нахальный мир прессы смотрел на меня молча, из зала исходила тревога. Меня охватило глубокое волнение, может быть, больше... я был потрясен. В лицах этих людей передо мной как бы предстал весь человеческий род, который ждал решения своей судьбы.

В это мгновение ко мне пришло истинное понимание того, что произошло в Рейкьявике и как нам надлежит действовать дальше.

Выступление мое опубликовано в газетах, откомментировано тысячами журналистов, политологов и политиков. Не буду воспроизводить его в подробностях. Ключевое в нем значение имела фраза: «При всем драматизме Рейкьявик – это не поражение, это прорыв, мы впервые заглянули за горизонт». Раздались бурные аплодисменты, зал как бы вышел из оцепенения. Один из журналистов, характеризуя эту пресс-конференцию, написал: «Когда генеральный секретарь представил

провал рейкьявикской встречи как победу, сидящая в зале Раиса Горбачева с восторгом смотрела на мужа и по ее лицу катились слезы».

Тогда мы точно уловили господствовавшее в мире настроение и тем самым спасли процесс перемен, дали перспективу, что за Рейкьявиком последуют новые его вехи.

Вскоре мне сообщили, что Шульц, выступая перед журналистами на военной базе, объявил Рейкьявик провалом. Однако, вернувшись в США и ознакомившись с моей оценкой, с реакцией на нее в мире, быстро «перестроился», стал говорить о «прорыве», о предстоящей работе. Я по достоинству это оценил. С этим человеком можно работать.

Рейкьявик показал, что договориться можно, что новый Советский Союз намерен не заниматься пропагандой, а по-настоящему решать проблему разоружения. Руководители государств получили возможность оценить, с кем они имеют дело в лице Горбачева. Одних это вдохновило, породило надежду, другие заволновались. Маргарет Тэтчер, о которой рассказ впереди, сгоряча заявила: «Мы не должны допустить второго Рейкьявика».

Рейкьявик укрепил у нас убеждение в правоте избранного курса. Об этом я сказал, выступая по телевидению 22 октября 1986 года: «Итоги встречи с Президентом США взбудоражили весь мир. Мы еще не осознали всей важности того, что произошло. Но обязательно поймем, не сейчас, так завтра. Поймем все значение Рейкьявика и воздадим должное как приобретениям, так и упущенным там возможностям и потерям. При всем драматизме исхода переговоров Рейкьявик, может быть, впервые за многие десятилетия так далеко продвинул поиск путей к ядерному разоружению».

Саммит в исландской столице дал мощный импульс всей нашей внешнеполитической деятельности. Благодаря ему началась переоценка задач международной политики, никто уже не мог действовать так, будто ничего не произошло. Американцы, увидев, как отреагировал мир на Рейкьявик, быстро и дружно перешли от проклятий в его адрес к признанию и похвале. Началась суетливая кампания. Администрации понадобился «успех в Рейкьявике»,

иначе ее политика выглядела непредсказуемой, а надвигались выборы. Главные силы пропаганды были брошены на защиту посрамленной СОИ.

Наступило время и нам думать, что делать дальше, мы попытались спрогнозировать вероятные шаги США. На встрече я понял, что Рейган не свободен в своих решениях. Но ему и конгрессу придется тем не менее по-новому взглянуть на многие аспекты своей политики. Может быть, понадобится еще одна попытка перешагнуть через то, что нас еще разделяет. Мы можем подождать».